

«*THE JOURNAL OF JURISTIC PapyROLOGY*», т. VI (1952), Warsaw, 1952; т. VII—VIII (1953—1954), Warszawa, 1954.

Журнал продолжает выходить в Варшаве, сохраняя полностью характер международного научного органа, в котором принимают участие папирологи и юристы разных стран. Начиная с VII—VIII тома в связи с болезнью, а затем преждевременной кончиной Ежи Мантейфеля, редакцию возглавляет один Р. Таубеншлаг. За восемь лет своего существования «*The Journal of Juristic Papyrology*» превратился в крупнейший международный орган, в котором наряду с польскими папирологами успешно сотрудничают ученые Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Египта, Израиля, Италии, США, Франции, Чехословакии, Швейцарии. В предисловии к последнему из рецензируемых томов Р. Таубеншлаг с удовлетворением констатирует, что журнал является одним из доказательств возможности международного сотрудничества и дружественных связей между учеными и народами. Опубликованные в журнале статьи и материалы поднимают важные вопросы и способствуют их разрешению или, по крайней мере, привлекают к ним внимание ученых. Об этом свидетельствуют не только многочисленные положительные рецензии на журнал в целом, но и появление ряда статей и заметок в связи с затронутыми на страницах журнала вопросами.

Содержание томов весьма разнообразно. Начиная с VI тома введена периодическая рубрика, посвященная клинописным штидиям. Увеличились исследования, посвященные рассмотрению важных вопросов (например, статьи о *Constitutio Antoniana*). Больше внимания в статьях уделяется социально-экономическим вопросам, хотя им еще не отведено то место, которого они заслуживают. Тематика журнала, так же как и научный уровень статей, свидетельствует о дальнейших успехах польских папирологов. Не претендуя на обстоятельный разбор материалов, опубликованных в рецензируемых томах JJР, настоящий обзор ставит своей целью ознакомить читателей с проблематикой и основными выводами рассматриваемых исследований.

Большой научный интерес представляет статья Р. Таубеншлага «Вавилонское право в греческих папирусах» — первая попытка в исторической литературе дать обобщающее представление о влиянии вавилонского права на египетское, а через него на имперское (т. VII—VIII, стр. 169—185). Считая, что мы имеем дело не с параллелиз-

мом, а с настоящей рецепцией вавилонского права, автор тщательно отбирает папирусы, подкрепляющие его точку зрения, и отбрасывает все то, что может быть объяснено ссылками на египетское, греческое или даже догреческое право (P. Eleph., I, стр. 174).

Примеры, подобранные автором, в большинстве своем удачны и убедительны. Некоторые сомнения вызывает P. Rcss. Geogr., III, 28 (IV в. н. э.). Здесь мы действительно имеем дело, как это показал автор, с браком египти, но вряд ли можно, основываясь на этом папирусе, усматривать влияние вавилонского права на египетское, поскольку перед нами памятник семитского права (обе стороны — иудеи) на греческом языке. Возникает также вопрос, почему значительная часть папирусов, в которых автор обнаружил влияние вавилонского права, относится к византийскому периоду, т. е. к тому периоду, когда основные районы вавилонского права уже в течение столетий были оторваны от Египта, а последний столь же длительное время подвергался все большей романизации. Таким образом, мы подходим вплотную к вопросу — какие предпосылки способствовали рецепции? Конечно, все эти вопросы не могут быть разрешены в одной статье. Безусловно, большая работа, проделанная Р. Таубеншлагом, заслуживает признания античников и востоковедов.

В статье «Императорские конституции в папирусах» (т. VI, стр. 121—142) Р. Таубеншлаг перечисляет в хронологическом порядке сохранившиеся или упомянутые в папирусах императорские конституции. К каждой конституции дается обширная литература. К перечисленным Р. Таубеншлагом папирусам следовало бы добавить P. C. 67029, в котором идет речь о жалобе представителя селения Афродито против Феодосия, и P. Gen. 210, опубликованный В. Мартеном, в котором упоминается о $\theta\epsilon\iota\alpha\ \sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\beta\alpha\iota$, полученных Диодором от императора. По некоторым конституциям следовало расширить ссылки. Так, можно было бы сделать существенные добавления к P. Giss. 40 (в статье опечатка: P. Giss. 41 вместо P. Giss. 40), к P. Cair. Boak № 1 (стр. 132) к PSI 935 (стр. 132) и к папирусам, относящимся к знаменитой истории селения Афродито, где автор почти ограничивается двумя статьями М. Гельдера, хотя имеется новая литература по этому вопросу¹.

Статья «Римское провинциальное право по сирийско-римскому судебнику» (т. VI, стр. 103—119) — перепечатка (с незначительными добавлениями) опубликованного в Риме в 1946 г. доклада Р. Таубеншлага, прочитанного в 1938 г. на V национальном конгрессе итальянских романистов. Автор исходит из предположения, что судебник, несмотря на сохранившиеся в нем архаические нормы и отсутствие значительного числа предписаний преторского права, все же является не дидактическим, а практическим руководством, верно отражающим действующее в Сирии право. Эту точку зрения, встретившую возражения со стороны проф. Наллино, Р. Таубеншлаг обосновывает как теоретически, так и путем сопоставления с «Гномоном идеолога». Доводы Р. Таубеншлага были признаны выступившими на обсуждении доклада итальянскими исследователями (протокол обсуждения приложен к статье). Автор систематически анализирует судебник, тщательно выделяя римские и местные элементы, пытаясь проследить — там, где это возможно, — происхождение этих местных элементов. Во всех необходимых случаях автор отсылает читателя к аналогичным законам других восточных народов.

Р. Таубеншлаг приходит к выводу, что сирийский судебник представляет собой смесь римского и местного права, а это говорит о том, что официальное римское право не имело глубоких корней в Сирии и «оставило нетронутым» ряд областей права. Если некоторые области (например, статьи об *infamia*) почти целиком римские, а другие говорят о большом распространении римских правовых норм (право наследования, обязательственное, процессуальное, уголовное право), то в ряде других областей нормы местного права имеют существенное, если не главное значение. Так, в статьях, посвященных праву собственности, больше элементов местного права, чем римского. Много элементов местного права в брачном праве, в статьях, посвященных опеке (ко-

¹ H. I. Bell, JHS, LXIV (1944); R. G. Salomon, JEA, 34 (1948).

торая совпадает в трактовке судебного с попечительством *tutela-curatella*), *patria potestas* и др.

Статья «Коллективная ответственность в праве папирусов» (т. VI, стр. 142—153) посвящена рассмотрению правовых отношений лиц, связанных таким образом, что любое судебное решение относится в одинаковой мере ко всем участникам, выступающим в делах. Папирусы свидетельствуют о том, что подобные отношения возникают чаще всего в случае совместной собственности и наследования, совместного кредитования и задолженности и в ряде других случаев, подробно разобранных автором.

Две статьи принадлежат перу Ю. Моджейевского. В первой статье — «Частный арбитраж в праве греко-римского Египта» (т. VI, стр. 239—256) автор пытается обобщить данные, относящиеся к частному арбитражу, начиная с момента его появления — IV в. до н. э. и до VII—VIII вв. н. э. Автор ограничивает свое исследование только греческими источниками (что касается коптских, то он ссылается на исследования А. Штейнвентера).

Частный арбитраж применялся очень часто в Египте по различным делам (чаще всего при разрешении семейных споров, особенно в византийское время). К нему прибегали греки и римляне. Сторонами выступают представители различных групп населения, включая солдат, жрецов, действовавшие самостоятельно или через опекуна. Автор подробно исследует характер и структуру документов, фиксирующих соглашение об арбитраже, порядок разбора дел с участием арбитров, санкции, применявшиеся к нарушителям их решений.

Попытка Юстиниана урегулировать частный арбитраж [С I, II, 55 (56), 4, 5 (529 г.) и Nov. 82, XI (539 г.)] не имела, по мнению автора, успеха в Египте, где клятва применялась и до и после издания 82-й новеллы. В византийское время большое распространение получил церковный арбитраж, который автор не разбирает, отсылая читателя к литературе.

Большую помощь окажет читателю подробнейший перечень всех технических терминов, употребляемых в арбитражных документах.

Во второй статье «Дополнительные меры предосторожности в частных юридических актах в греко-римском Египте» (т. VII—VIII, стр. 241—229) Ю. Моджейевский останавливается на трех встречающихся в папирусах моментах: *condicio* (условие, выполнение или нарушение которого предопределяет наступление или прекращение действия), *dies* (срок действия) и *modus* (клаузула, при помощи которой накладываются обязательства на лиц, в пользу которых составлен акт). *Modus* во многом схож с *condicio*, но он подлежит выполнению в значительной мере в силу моральных и религиозных побуждений. Ценность статьи Ю. Моджейевского состоит в том, что автор приводит в подтверждение своих утверждений огромный перечень папирусов: список папирусов, относящихся к субаренде земли, занимает две с половиной страницы петитом, а найму — две страницы с четвертью¹.

Г. Купишевский публикует две статьи. В статье «Экспертиза в праве греко-римского Египта» (т. VI, стр. 257—268) автор изучает папирусы, свидетельствующие об использовании экспертов в греко-римском Египте. Документы расположены в хронологическом порядке по профессиям: *γεωμέτραι* (землемеры), *μοσχόσφραγισταί* (лица, проверявшие годность быков для жертвоприношения), *βριόδεῖται* (межевики), *ἰατροί* (врачи), *λογοδέται* (лица, занимавшиеся проверкой счетов), строительные инспекторы и эксперты по качеству ремесленных изделий.

В статье о *Juridicus Alexandriae* (т. VII—VIII, стр. 187—204) Г. Купишевский возвращается к теме, которой занимались Л. Венгер, Р. Таубеншлаг и другие исследователи.

¹ К обильной литературе, привлеченной автором, можно было бы добавить по вопросу об аренде в византийском Египте: М. В. Левченко, История аграрных отношений в Византии VI—VII вв., ПИДО, 1935, № 1-2, стр. 94—95; А. С. Johnson and L. C. West, *Byzantine Egypt*, Princeton, 1949, стр. 75—78, 102 и Н. Comfort, *Studies in late Byzantine Land-leases*, Princeton, 1939.

дователи. Несмотря на небольшой объем статьи, автору удалось дать полное и документально обоснованное представление об *Juridicus Alexandriae*.

Juridicus назначался императором из числа всадников. Являясь членом совета префекта Египта, *Juridicus* подчинялся ему, но не мог им быть подвергнут наказанию или отстранен. В случае вакантности места префекта *Juridicus* временно исполнял его обязанности. Свои судебные полномочия *Juridicus*, по мнению Г. Куишневского, осуществлял самостоятельно, как представитель императора, а не по поручению префекта, причем его компетенция распространялась на весь Египет. Он был исключительно судьей по гражданским делам. Ему подлежали как *jurisdictio contentiosa*, так и *voluntaria*. Марк Аврелий передал первую префекту. В своей деятельности *Juridicus* опирался на стратегов, которые выполняли отдельные его поручения.

В статье «Парфянские и иранские титулы в пергаме № 10 из Дура-Европос» (т. VII-VIII, стр. 285-294) Ю. Вольский предлагает свою расшифровку 4-й и 5-й строчек пергамента, относящегося к 121—122 гг. н. э., т. е. ко времени, непосредственно следующему за походом Траяна против Парфии: τὸν παρὰ Μαννῶν τοῦ Φραγτοῦ τὸν βατῆρα καὶ [αὐτοκράτο]ρων παρ[απα]τοῦ καὶ στρατηγῶς Μεσοποταμίας καὶ Παραποταμίας καὶ ἀραβάρχου. βατῆρα, по мнению Ю. Вольского, — должность, напоминающая позднеримского *magister equitum*, а *παρὰπότης* — *magister officiorum*. Множественное число от слова *αὐτοκράτορ* вызывает сомнение в правильности такого чтения.

Наибольшее значение для историка неюриста представляет большая статья А. Свидерек «Местное население в Египте в III в. до н. э. по архивам Зенона» (т. VII—VIII, стр. 231—284). До сих пор исследователи (М. Ростовцев, К. Прео и др.), не обходя этого вопроса, уделяли все же главное внимание грекам и их административно-хозяйственной деятельности. Статья А. Свидерек вызывает большой интерес, поскольку представляет первую серьезную попытку в историографии эллинистического Египта дать подробное и систематическое описание занятий и быта местного египетского населения, его взаимоотношений с греческими колонистами и администрацией. Автор дает общее описание египетского населения, справедливо подчеркивая его социальную и экономическую дифференциацию, суммирует данные папирусов об египетских земледельцах, останавливаясь более подробно на βασιλικῶν γεωργοί, дает обстоятельное описание положения различных категорий непосредственных производителей. Соответствующее место уделено икрецам, игравшим видную роль не только в области идеологической, но и социально-экономической. Кратко описав семейные отношения египтян, характеризующиеся сравнительно тесной экономической взаимосвязанностью членов семьи (совместная обработка земли, передача ремесла по наследству и др.), автор посвящает всю вторую половину статьи анализу взаимоотношений между египтянами и греками.

В течение длительного времени историки пытались объяснить борьбу эксплуатируемых масс против птолемеевской, а затем и римско-византийской господствующей верхушки исключительно национальным антагонизмом¹. А. Свидерек доказывает, что ни о каком — в нашем понимании этого слова — национальном единстве говорить нельзя. Греки-бедняки сближались с угнетенными египтянами, а богатые египтяне выступали на стороне богатых греков. Правда, египтяне составляли в основном угнетенную массу, а греки принадлежали в большинстве своем к привилегированной прослойке, но, как правильно замечает автор, источник враждебности лежал «не в национальных различиях, а в разнице в материальном и социальном положении» (стр. 278)².

Разбирая деятельность греческой администрации, автор приходит к выводу, что она руководствовалась задачей обеспечить поступление государственных доходов

¹ W. Sch ubart, Aegypten von Alexander dem Grossen bis auf Mohammed B., 1922; J. G. Milne, Aegyptian Nationalism under Greek and Roman Rule, JEA XIV (1928); C. Pr éaux, La fin de l'antiquité en Egypte, ChE, т. 24 (1949).

² Более правильный подход намечается сейчас и в зарубежной историографии. См. примечание 231 к указанной статье (JJP, т. VII—VIII, стр. 282).

и своими личными интересами. Местное население рассматривалось ею как необходимая рабочая сила. Национальный момент играл второстепенную роль.

Разбирая источники, относящиеся к ἀναχωρησις и другим фактам борьбы против греческой администрации, автор делает интересное наблюдение: солидарность среди трудящихся проявляется с особой силой именно в крестьянской массе (стр. 270, 272). Объяснение этого факта следует искать в пережитках общины, которые М. В. Левченко обнаружил даже в позднеримское время¹ и на которые автор намекает, говоря о «древней организации, восходящей, возможно, ко времени фараонов» (стр. 269).

В заключение следует сказать, что А. Свидерек дала читателю действительно полную картину изучаемого ею общества. К сожалению, в статье преобладает описание в ущерб социально-экономическому анализу. Нигде автор не указывает, что мы имеем дело с рабовладельческим обществом, остается открытым вопрос о влиянии рабства на положение местного населения.

В 1891 г. Л. Миттейс издал свой знаменитый труд «Имперское право и народное право в восточных провинциях Римской империи», определивший в значительной мере направление исследований в последние пятьдесят лет. Основная мысль Л. Миттейса — в упрощенном виде — заключается в том, что после Constitutio Antoniana римское право стало единственным обязательным правом, но население провинций оказало упорное сопротивление введению римских правовых норм, продолжая придерживаться незаконно местного права. После безуспешной борьбы, достигшей высшего напряжения во время Диоклетиана, Констанция пошел на уступки, широко открыв дверь эллинистическим и другим тенденциям.

В начале тридцатых годов против концепции Л. Миттейса выступил Э. Шенбауэр. Его работы, а также опубликование киренской и русской надписей привели к широкой дискуссии по вопросу о СА.

Статьи Э. Шенбауэра «Дедитиции, двойное гражданство и принцип личности» (т. VI, стр. 17—72) и «Исследования о развитии права во время империи» (т. VII—VIII, стр. 107—148) являются ответом на работы В. Аранджо-Руиз², защищающие взгляды Л. Миттейса, и попыткой уточнения и дальнейшего развития своих взглядов, с особым упором на установление точек соприкосновения противостоящих концепций.

Отправной точкой для Э. Шенбауэра является правильная мысль, что Римская империя, будучи непрочным военно-административным объединением, допускает существование многочисленных групп населения, пользующихся различным правовым режимом. В Египте население состояло из трех основных групп: 1) римские граждане, 2) ἑλληνας — граждане четырех полисов, 3) остальное население, среди которого он различает ἐπιχειρήματα из метрополий, составивших как бы промежуточную группу, не принадлежавших к моменту издания СА к peregrini dediticii, но и не имевших права занимать должности вне пределов своих метрополий, и жителей деревень.

Но СА римское гражданство было даровано всем свободным жителям империи. В этом исследователем виден доказательство того, что египтяне не были dediticii. Э. Шенбауэр, исходя из того, что Август рассматривал египтян не как граждан, а как бесправных подданных, считает, что они полностью соответствовали тому, что римляне обозначали термином peregrini dediticii. Этому не противоречит то, что они получили гражданство по СА, по крайней мере в свете нового чтения знаменитого места из P. Giss. 40, которое Э. Шенбауэр предлагает читать так: Δίδωμι τοῖνον ἀπ'αὶν τοῖς

¹ М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 37—42.

² V. Arango-Ruiz, L'application du droit romain en Égypte après la Constitutio Antoniana, «Bulletin de l'Institut d'Égypte», т. XXIX, session 1946—1947, Le Caire, 1948; он же, Sul problema della doppia cittadinanza nello Repubblica e nell' Impero Romano, «Scritti giur. in onore di Francesco Carnelutti»; т. IV, Padova, 1950. Последняя работа осталась нам неизвестной.

κατὰ τὴν ὑπὸ Ῥώμῃην οἰκουμένην πολιτείαν Ῥωμαίων μένοντος [αὐτοῖς τοῦ δικαίου ἀξιώμα]των χωρὶς τῶν δεδεδικίων (JJP, т. VI, стр. 69). Следовательно, СА не исключала *dediticii* из числа лиц, которым даровалось римское гражданство, но они получали не гражданство *optima lege*, *optimo jure* а только *vocabulum civitatis*, без доступа к *jus honorum*, нечто вроде гражданства низшего сорта. В таком положении они пребывали еще в V в., в подтверждение чего Э. Шенбауэр приводит отрывок из письма Исидора Пелусиота к Руфину.

Что касается жителей полисов, то они, и только они, получили двойное гражданство, из которого и вытекает право оптирования. СА не является переломным моментом в развитии римского права и, по существу, никаких серьезных изменений в правовом, политическом и финансовом положении населения за собой не повлекла. Правовой режим Египта не был унифицирован, римское право не стало безраздельно господствующим (местное право, как показал Р. Таубеншлаг, признавалось римскими должностными лицами). Картина оставалась весьма сложной, и если пытаться внести в нее определенную систему, то следовало бы различать имперское право, народное, или местное, право и провинциальное право, каждое из которых применялось соответственно личному положению граждан и указаниям правительственных органов.

Вторая статья Э. Шенбауэра является попыткой дальнейшего обоснования своей точки зрения. Автор вновь рассматривает всю проблему двойного гражданства, причем особенно подробно останавливается на римских императорах, являвшихся афинскими гражданами. В афинском гражданстве римских императоров он видит проявление исторического процесса перемещения центра тяжести империи на Восток. Доказывая на ряде новых примеров, что СА не является переломным моментом в истории римского права, Э. Шенбауэр подчеркивает, что вопрос о применении тех или иных правовых норм решался римскими властями конкретно (в зависимости от территории, личного статуса и т. д.), в свете тех политических задач, которые они себе ставили.

Э. Вейсс в статье «К вопросу о двойном гражданстве у греков и римлян до *Constitutio Antoniana*» (т. VII-VIII, стр. 71—82) приходит к выводу, что в греческих полисах двойное гражданство несомненно существовало. Что касается Рима, то здесь нельзя говорить о том, что лица, получившие римское гражданство, полностью сохранили свое старое гражданство. Рим сам определял отношение нового римского гражданина к той общине, к которой он принадлежал, стремясь поставить его в привилегированное положение. Но это не значит, что он пользовался двойным гражданством. Для римских граждан приобретение другого гражданства неминуемо приводило к потере римского.

В статье «Беспрерывность права в народном (местном) праве в Египте» (т. VII-VIII, стр. 149—156) Сибилла фон Болла, доказав на ряде примеров отклонения от римского права в документах египетского происхождения, относящихся к римлянам, высказывает мнение, что эти отклонения являются следствием пассивного, а иногда и активного сопротивления местных правовых культур, выражавших определенный образ жизни. Устойчивость правовых порядков являлась следствием устойчивости этого образа жизни.

Маленькую, но интересную статью — «К вопросу „*Reichsrecht* и *Volksrecht*“» публикует Ф. Прингсхейм (т. VII-VIII, стр. 163—168). Он считает, что выступления Э. Шенбауэра против теории Л. Миттейса, хотя и весьма существенные и ценные в ряде вопросов, в конечном итоге не угрожают воздвигнутому Миттейсом зданию, а лишь омолаживают и укрепляют его концепцию. Опасность, по мнению Прингсхейма, грозит со стороны Ф. Шульца, Г. Вольфа и Ф. Виакера, которые утверждают, что основные классические сочинения римских юристов были коренным образом переработаны около 300 г. н. э. и в таком извращенном виде и дошли до Юстиниана и, следовательно, до нас. Признавая осторожность исследователей, выдвигающих эту теорию, Прингсхейм обращает внимание романистов на то, что в данном случае не достаточно доказать факт столь крупных интерполяций -- хотя это нелегко сделать, — но нужно еще выяснить, являются ли они делом случайности или результатом сознательной об-

работки. В последнем случае следует объяснить происхождение и причины обработки и каким образом в руки компиляторов попал унифицированный текст. Сам Прингсхейм склонен признавать большое влияние греческой и, главным образом, восточных правовых школ, значение которых сильно возросло после того, как Константин снял преграды, стоявшие на их пути. Большое значение придает он исследованиям Э. Леви, посвященным римскому народному праву (*Vulgärrecht*). Э. Леви доказал, что многие правовые понятия, которым приписывалось эллинистическое происхождение, в действительности имеют глубокие народные корни, общие многим народам, правовое сознание которых не дошло до уровня римского. После работ Э. Леви перед исследователями возникает задача выяснять в каждом конкретном случае с особенной тщательностью и осторожностью происхождение правовых институтов, учитывая возможность не только восточных, но и западных истоков. В заключение автор считает, что книга Л. Миттейса, сыгравшая столь положительную роль в развитии изучения римского права, хотя и устарела в отдельных частях и выводах, все же в целом выдержит испытание времени и натиск критиков.

Мы изложили кратко содержание статей о СА. Дискуссия еще не закончена, но в понимании ряда вопросов уже намечается сближение точек зрения. Опубликование новых источников и тщательный пересмотр уже опубликованных, несомненно, помогут исследователям окончательно выяснить проблему развития римского права после СА.

Вопросам административного устройства византийского Египта посвящены две статьи английского исследователя Б. Р. Риса: «*Defensor civitatis* в Египте» (т. VI, стр. 73—102) и «*Curator civitatis* в Египте» (т. VII-VIII, стр. 83—105). Появление первой статьи вызвано тем, что в книге о византийском Египте А. Джонсон и Л. Уэст¹ выдвинули предположение, что в Египте имперскому дефенсору соответствует не *ἐπίδικος*, как считалось раньше, а *συνδικος*.

Подробное рассмотрение папирологического материала дает автору возможность не только опровергнуть точку зрения Джонсона и Уэста но и дать динамическую картину деятельности дефенсора, который сохранился еще в арабское время, вплоть до VIII в. Автор приходит к выводу, что лица, выполнявшие функции, свойственные позднейшим имперским дефенсорам, существовали в Египте еще в первой половине IV в., т. е. раньше, чем эта должность была введена в западных провинциях. Этот вывод приводит автора к мысли, что должность дефенсора возникла в Египте как естественное и необходимое следствие муниципальных реформ Диоклетиана и лишь потом имперское правительство официально признало практически уже действовавшее учреждение. Большое место уделяет Б. Рис разбору функций египетского дефенсора, его взаимоотношениям с центральной и муниципальной администрацией.

Неразрывно связана со статьей о дефенсоре вторая работа Б. Риса, в которой он, на основе столь же тщательного пересмотра данных источников (включая неизданные — стр. 97, примечания 98, 99), пытается дать подробную характеристику деятельности куратора. В отличие от дефенсора, куратор появился в Египте позднее, чем в остальных частях империи (Р. Ох, XVIII, 2189, 304 г.). Связав появление куратора с муниципализацией Египта, Б. Рис переходит к рассмотрению вопросов, связанных с назначением, функциями и местом, занимаемым куратором в муниципальном строе Египта. На основании новых данных Б. Рис, отрицая возможность одновременного выполнения обязанностей куратора двумя лицами, выдвигает предположение, что они действовали коллегиально, чередуясь в определенном порядке. Автор присоединяется к мнению, что куратор полностью потерял свое значение к концу IV в. и что причиной этому был рост влияния и полномочий дефенсора.

К первой и второй статьям приложены, составленные Б. Рисом две просопографические таблицы, одна, включающая всех упомянутых в папирусах дефенсоров, вторая кураторов.

Хотя Б. Рис и не смог использовать некоторые источники, относящиеся к теме, —

¹ Рецензия на эту книгу — ВДИ, 1952, № 2, стр. 193—200.

мы имеем в виду издание Р. Ремондоном греческие папирусы арабского времени¹ и опубликованный Г. Герстингером P. Graec. Vindob. 24938 («Aegyptus», XXXII, 1952) и др., — можно считать, что его статьи вполне отражают сумму известных нам данных. Ряд вопросов, однако, остался все еще не разрешенным. Неясно, как себе представляет автор социальную природу дефенсора. В ряде мест (т. VI, стр. 73, 86, 91) автор высказывает предположение, что должность дефенсора была введена для *defensio humiliorum contra potentes*, но очень скоро императоры забыли об этом, за исключением «более идеалистически и оптимистически настроенных (?) императоров» (т. VI, стр. 98). Поскольку в Египте дефенсор появился до известного постановления Валентиниана, возникает вопрос — какие силы действовали в данном случае и каким образом им удалось добиться победы? Непонятно, почему императорское правительство выдвигало, начиная со второй половины IV в., дефенсора, когда в его распоряжении находился куратор, глава муниципального управления и представитель центральной власти, обладавший к тому же в то время и *iurisdicatio minor* (т. VII-VIII, стр. 101—102), т. е. теми самыми правами, которыми располагал первоначально дефенсор. Не проследживает автор причины zigзагов императорского законодательства в отношении дефенсора, которые, несомненно, связаны с общей политической и социальной ориентацией правительства.

Большой научный интерес представляет статья А. Кренцлейна «Папирусы Vind. inv. 25824a, 25824 b и Amh. 65» (т. VI, стр. 195—237). Статья состоит из перепечатки двух венских папирусов из бывшей коллекции эрцгерцога Райвера, изданных Г. Мецгером («Museum Helveticum», т. II, ч. 1), и P. Amh. 65 и их разбора. Тщательный и глубокий анализ позволяет автору уточнить отдельные факты (хронологию правления префекта Помпея Планта, имена двух до сих пор неизвестных стратегов, Аммона и Главкия) и выдвинуть предположение о вероятности созыва *conventus* префекта в Навкратисе и наличия должности *σιτοβοσκιατζης* уже в 100 г. н. э. Кроме того, он делает ряд весьма тонких наблюдений относительно ситологии, которые дополняют и частично изменяют наши сведения о ней, основанные главным образом на фундаментальном исследовании о литургии Ф. Эртеля.

Так, автор устанавливает, что ситология была литургией не с 101—102 гг., а по крайней мере со времени правления префекта Юлия Урса (84 г. н. э.), и что назначение на должность в конце I в. н. э. происходило не путем жеребьевки, как полагал на основе документов II в. н. э. Ф. Эртель, а в результате утверждения префектом или энистратегами представленных им кандидатур. При выдвижении кандидатов полагалось указывать их материальное положение, возраст, грамотность и административный опыт. Во избежание обременения отдельных хозяйств запрещалось выдвигать одновременно кандидатуры членов одной семьи.

Все эти и другие указания, которые автор подробно анализирует, говорят о том, что к концу I в. н. э. литургия настолько уже стала ненавистна и разорительна, что римская администрация, учитывая разнообразные формы борьбы народа против навязанных ему повинностей, стремилась выработать сложную систему мер, при помощи которых она пыталась сохранить хозяйства крестьян и в то же время обеспечить бесперебойное выполнение повинностей.

Мы остановились лишь на основных выводах автора. При всей гипотетичности некоторых из них, статья представляет большой интерес для советского читателя не только по своему содержанию, но и по методике глубокой обработки источника.

Статья А. Фукса «Досифей, сын Дримила» (т. VII-VIII, стр. 205—209) является просопографической заметкой, в которой автор пытается установить, существовал ли в действительности упомянутый в третьей книге Маккавеев иудей Досифей, сын Дримила, спасший накануне битвы при Рафии Птолемея IV Филонатора. На основе

¹ R. Remondón, Papyrus grecs d'Apollónos Anò (Documents de fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, publiés sous la direction de Ch. Kuentz), Le Caire, 1953.

ряда папирусов автор устанавливает, что Досифей действительно историческое лицо, и дает краткое описание его служебной карьеры.

В рецензируемых томах несколько меньше места, чем в предыдущих, уделено публикации папирусов.

А. Батай публикует (т. VI, стр. 185—194) три папируса из коллекции Кадермон-Ганно (№№ 3—5)¹; № 4 (конец II—начало III в. н. э.) содержит двуязычную расписку всадника, ценность которой состоит в том, что подтверждается однозначность терминов *dispensator Caesaris* и *οἰκονόμος Καισαρος*. Текст папирусов дан с подробным комментарием.

Под названием «Архив Леона» С. Брэдфорд Уэллес и Дж. Эванс (т. VII—VIII, стр. 29—70) публикуют шесть папирусов из собрания Пельского университета². Издатели дают описание папирусов, греческий текст, перевод и краткое введение к каждому из них. Содержание папирусов разнообразное. Некоторые из них повреждены в следствие этого, а также недостаточной ясности содержания представляют определенные трудности. К публикации папирусов приложена статья о виноделии и виноторговле в птолемеевском Египте, в которой большое внимание уделяется производству вина и вопросам налогообложения. Поскольку в одном из папирусов (P. Yale Inv. 1622), по видимому, затронут вопрос о снабжении солдат вином, авторы подробно останавливаются и на этой стороне дела.

Из опубликованных папирусов наиболее ценным нам представляется P. Yale Inv. 1647, который вносит существенные изменения в наши представления о правительственном контроле над хозяйственной жизнью Египта. На основе этого папируса можно сделать вывод, что планировка культур *διαγραφὴ τῶν σπορῶν* производилась местными властями, а затем утверждалась центральной администрацией и возвращалась для исполнения нижестоящим инстанциям.

В рецензируемом журнале опубликован также (т. VI, стр. 7—15) опыт расшифровки покойным чешским ученым Б. Грозным четырех пилосских табличек из серии табличек, изданных Е. Беннеттом. Публикация воспроизводит текст, дает транскрипцию и перевод текста табличек. Тут же дан краткий комментарий.

Значительно расширен библиографический отдел, главным образом за счет введения периодической рубрики «Клинописные библиографические заметки» (т. VI, стр. 153—184; т. VII—VIII, стр. 295—356). Заметки, принадлежащие перу чешского востоковеда И. Климы, отличаются от обзоров того же автора на ту же тему в *Archiv Orientalni* тем, что Клима, группируя рецензируемые работы (публикации источников, монографии, статьи) по темам и проблемам, анализирует лишь те из них, которые представляют выдающийся интерес для специалистов. В числе этих работ нашли свое место исследования советских историков И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили и др.

Отдел папирилогической библиографии (обзор источников и литературы) ведет Р. Таубеншлаг. Его заметки, при всей их краткости, представляют большой интерес вследствие уточнений, дополнений, соображений, высказываемых им попутно при рецензировании работ.